Л. Съдовъ.

7

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ИДЕИ ГЁТЕ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименов. ул., собств. домъ.
1900.

Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія".

Педагогическія идеи Гете.

Люди рѣдко умѣютъ любить своихъ великихъ предковъ длительной и ровной любовью. Большею частью потомки предоставляютъ мирно спать не только самимъ предкамъ, но и ихъ думамъ, ихъ произведеніямъ, изрѣдка вспоминая лишь одни имена ихъ, лишь ту или другую вошедшую въ поговорку фразу изъ забытой или даже нечитанной книги. Но по временамъ, разбуженные восторгами празднованій той или другой изъ годовщинъ—рожденія или смерти—великаго покойника, они чувствуютъ у себя пробужденіе интереса къ чтимой, но мало знакомой знаменитости. Перелистываются старыя книги, анализируются взгляды писателя, привлекается его авторитетъ для подкрѣпленія дорогихъ, а иногда просто выгодныхъ для данной группы убѣжденій и взглядовъ.

То же происходитъ и съ Гете. Всѣ высоко чтутъ геніальнаго поэта, но едва ли много читаютъ его, едва ли хорошо знаютъ. Но теперь, въ виду исполнившагося въ августѣ мѣсяцѣ стапятидесяти лѣтъ со дня его рожденія, вездѣ стали вспоминать о немъ, появилось много статей, то выясняющихъ общее значеніе его поэзіи, то останавливающихся на томъ или другомъ произведеніи, или на опредѣленномъ кругѣ идей. Празднованія памяти поэта на его родинѣ, по общему почти признанію, не могутъ считаться удавшимися. Гете не близокъ сердцу большинства читающей нѣмецкой публики, и въ этомъ въ

значительной степени виновата литература о Гете, принявшая нежелательное направленіе: въ большинствѣ случаевъ это или произведенія эстетическаго характера или разысканія археологовъ.

Но въ наше время, конечно, не такого рода изслѣдованія, а лишь уясненіе идейной стороны произведеній писателя можетъ привлечь къ нему симпатіи народа. Ни прежде, ни теперь не было, конечно, недостатка и въ такомъ изученіи Гете, но все-таки они терялись среди массы малопригодной литературы. А между тѣмъ именно идейная сторона произведеній Гете заслуживала бы наибольшаго вниманія, такъ какъ многія изъ воззрѣній его представляютъ глубокій интересъ даже и для настоящаго времени. Въ частности это безусловно можно сказать о педагогическихъ воззрѣніяхъ Гете, и нѣмецкіе учителя вообще, послѣдователи же «соціально - педагогическаго» направленія въ особенности имѣли полное основаніе посвятить особыя статьи и доклады педагогическимъ идеямъ великаго поэта [1]). А такъ какъ произведенія Гете являются достояніемъ не одной нѣмецкой, а и всей міровой литературы, то уясненіе педагогическихъ воззрѣній писателя не покажется, думаемъ, излишнимъ и русскому читателю.

Вопросы воспитанія и развитія принадлежали къ тѣмъ, которые особенно интересовали Гете, ему неоднократно поэтому приходилось высказываться по этимъ вопросамъ, но всего полнѣе, опредѣленнѣе и систематичнѣе высказалъ онъ свои педагогическія идеи въ романахъ «Ученическіе годы Вильгельма Мейстера» и «Странническіе годы В. Мейстера»,—въ этихъ романахъ, гдѣ, говоря словами *А. В. Шлегеля*, «главной идеей, къ которой все сводится въ

---

[1]) *Goethe und die Sozialpädagogik*, von Heinrich *Schulz*, „Die Deutsche Schule, 7 u. 8 Heft, 1899. *Ueber die Komplexion der pädagogischen Ideen und Prinzipien Goethes*, von Adolf *Schultz*, Pädagogische Zeitung, №№ 35, 36, 38.

этомъ произведеніи, къ которой стремится все, какъ къ центру, является воспитаніе».

«Вильгельмъ Мейстеръ» писался въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, нѣсколькихъ десятковъ годовъ, и представляетъ выдающійся интересъ уже потому, что на немъ отразилась постепенная эволюція взглядовъ Гете: въ концѣ романа (въ «Странническихъ годахъ») Вильгельмъ становится членомъ оригинальнаго сообщества, и въ жизни проводившаго начала коллективизма, и въ дѣлѣ воспитанія тоже заботившагося не только о гармоническомъ развитіи отдѣльнаго индивида, но также и о приготовленіи его путемъ *общественнаго* воспитанія къ служенію обществу; вначалѣ же онъ былъ ярко-выраженнымъ индивидуалистомъ, заботившимся объ одномъ саморазвитіи. Объ исключительномъ интересѣ къ собственной особѣ Вильгельмъ разсказываетъ своей пріятельницѣ (Авреліи) слѣдующее: «Съ самой юности моей я привыкъ направлять духовный взглядъ свой болѣе внутрь себя, чѣмъ на внѣшній міръ, а потому и естественно, что *человѣка* (т.-е. себя) я до извѣстной степени узналъ, не пріобрѣтя, однако, при этомъ ни малѣйшаго знанія и пониманія *людей*» [1]).

Еще рѣзче выразилось индивидуалистическое направленіе Вильгельма Мейстера въ письмѣ его къ Вернеру: «Съ самой ранней юности,—писалъ онъ,—моимъ постояннымъ, неяснымъ стремленіемъ было желаніе выработать себя. И теперь стремлюсь къ тому же, только средства, способствующія мнѣ въ достиженіи моей цѣли, стали мнѣ нѣсколько яснѣе... Дѣло въ томъ, что я чувствую въ себѣ непреодолимое влеченіе именно къ той гармонической выработкѣ моей природы, къ которой мнѣ препятствіемъ служитъ происхожденіе мое» [2])...

---

[1]) „Ученическіе годы Вильгельма Мейстера", пер. П. Н. Полевого, „Собраніе сочиненій Гете", изд. Н. В. Гербеля, 1893 г., т. IV, стр. 162.

[2]) Тамъ же, стр. 182 и 183.

Такъ думалъ въ то время и самъ Гете. Гармоническая выработка личности представлялась ему въ то время высшею, конечною цѣлью. Впослѣдствіи не благо индивида, а благо общества является для него руководящимъ принципомъ, становятся вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе глубокими и представленія о воспитательныхъ факторахъ, но великая роль воспитанія—хотя бы даже для достиженія и индивидуалистическихъ цѣлей—была ясна для Гете уже и при писаніи перваго изъ его педагогическихъ романовъ («Ученическіе годы»). Устами незнакомца (впослѣдствіи оказавшагося аббатомъ, стоявшимъ во главѣ особаго кружка саморазвитія) онъ выражаетъ слѣдующія идеи. Основаніемъ всего должны служить природныя способности, но только воспитаніе, притомъ воспитаніе съ ранняго возраста можетъ придать этимъ способностямъ надлежащее значеніе. Безъ благотворнаго вліянія воспитанія геніальныя даже способности могутъ завлечь человѣка на ложную дорогу.

«— Однакоже,— возразилъ Вильгельмъ,—развѣ геній не сумѣетъ самъ спастись, не сумѣетъ самъ исцѣлить тѣ раны, которыя онъ себѣ нанесъ?

«— Ни въ какомъ случаѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ весьма слабой степени, ибо никто и не думай, чтобы можно было преодолѣть первыя впечатлѣнія юности. Если человѣкъ выросъ на разумной свободѣ, окруженный прекрасными и благородными предметами, въ сообществѣ съ хорошими людьми; если учителя его учили тому, что онъ долженъ былъ знать прежде всего, дабы легче досталось ему все остальное; если онъ научился всему тому, чего никогда не слѣдуетъ забывать; если первыя дѣйствія его были такъ направлены, что онъ все доброе со временемъ можетъ выполнять легко и удобно, не принуждая себя отвыкать отъ чего бы то ни было,—тогда такой человѣкъ будетъ вести болѣе чистую, болѣе совершенную и болѣе счастливую жизнь, нежели другой, который первыя свои юношескія силы растратилъ на сопротивленія и заблужденія. Много пишутъ и говорятъ о воспитаніи, а я вижу

очень мало людей, которые были бы способны усвоить себѣ это простое, но великое понятіе и, усвоивши, перенести его въ жизнь» [1]).

Если не на практикѣ, то въ теоріи, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ важнѣйшихъ основныхъ правилъ воспитанія всѣ мы признаемъ теперь требованіе — непремѣнно считаться съ индивидуальными особенностями ребенка, съ его задатками и способностями. Принципъ этотъ, блестяще развитый лучшими педагогами 19-го вѣка, былъ вполнѣ опредѣленно проведенъ уже и Гете. Упоминавшійся уже аббатъ былъ, говоря словами Наталіи, его воспитанницы, убѣжденъ, что воспитаніе должно согласоваться съ наклонностями. «Онъ утверждалъ, что первое и послѣднее въ человѣкѣ есть дѣятельность его, а что дѣлать ничего нельзя, не имѣя расположенія къ дѣланію, не имѣя инстинкта, побуждающаго насъ къ тому. Онъ обыкновенно говаривалъ: «всѣ допускаютъ, что поэтами люди рождаются, допускаютъ это и по отношенію ко всѣмъ искусствамъ, потому что иначе не умѣютъ объяснить этихъ проявленій человѣческой натуры... Но если мы всмотримся повнимательнѣе, то каждая, даже ничтожнѣйшая способность наша, окажется прирожденною, и ни одна изъ нихъ — неопредѣленною. Только благодаря нашему двусмысленному, невнимательному воспитанію, у людей утрачивается сознаніе ихъ природныхъ наклонностей; наше воспитаніе возбуждаетъ въ насъ желанія, вмѣсто того, чтобы оживотворять наши (т.-е. отъ природы существующія у насъ) влеченія, и вмѣсто того, чтобы помогать дѣйствительному предрасположенію нашему, направляетъ стремленія наши къ предметамъ, которые такъ часто вовсе не согласуются съ природой, насильно заставляемой заботиться о нихъ» [2]). Тѣ же по существу мысли развиты и въ «поученіи», врученномъ аббатомъ Вильгельму. «Чело-

---

[1]) Тамъ же, 78.
[2]) Тамъ же, стр. 331.

вѣку слѣдуетъ спасаться всякаго таланта, въ которомъ онъ не надѣется достигнуть совершенства. Какъ бы мы много ни сдѣлали въ этомъ отношеніи, а все-таки, когда для насъ вполнѣ уяснится значеніе истинныхъ мастеровъ искусства, мы должны будемъ только сожалѣть о потерѣ силъ и времени, затраченныхъ на пустяки... Каждое предрасположеніе важно и должно имѣть развитіе.... Одна сила преобладаетъ надъ другою, но ни одна не можетъ другую создать; въ каждомъ предрасположеніи заключается и сила, способствующая совершенствованію ея, и это понимаютъ очень немногіе даже изъ тѣхъ людей, которые собираются и дѣйствовать и поучать другихъ». (Будемъ же обращать вниманіе на то, что *въ насъ* есть и что мы *изъ себя* можемъ сдѣлать: комментируетъ эту мысль Ярно) [1]).

Въ близкомъ отношеніи къ требованію считаться со способностями стоитъ и требованіе — примѣняться при преподаваніи къ уровню пониманія воспитываемаго. Гете не забываетъ и объ этомъ требованіи. «Человѣкъ способенъ постигать только то,—говоритъ Ярно,—что соразмѣрно его силамъ» [2]). Но Ярно, представитель обыденнаго здраваго смысла, ищущій во всемъ прежде всего практической пользы и не любящій вдаваться въ долгія разсужденія, доводитъ до преувеличенія вѣрный по существу принципъ: «по отношенію къ дѣтямъ самое лучшее—сосредоточивать ихъ вниманіе на настоящемъ, сообщать имъ названія, опредѣленія предметовъ... [3]) Они вѣдь и безъ того справляются о причинахъ явленій гораздо раньше, чѣмъ могутъ понять ихъ... Такъ какъ дѣти смотрятъ на

---

[1]) Тамъ же, стр. 352—354.

[2]) „Странническіе годы Вильгельма Мейстера". Собр. соч. Гете, 2-е изд., т. V, стр. 212.

[3]) Въ русскомъ переводѣ мѣсто это передано не точно, почему мы и должны были измѣнить переводъ согласно со смысломъ подлинника. Ярно предлагаетъ ограничиться „Bezeichnung", т.-е. опредѣленіемъ, въ переводѣ П. Полевого предлагается сообщать дѣтямъ „какія-нибудь истолковыванія явленій", т.-е. именно то, *противъ* чего Ярно.

предметы очень поверхностно, то и можно съ ними лишь очень поверхностно говорить о существѣ предметовъ и цѣли ихъ существованія» [1]).

Теперь, когда природа дитяти изучена лучше, выдающіеся современные педагоги не относятся такъ скептически къ способности дѣтей понять причины явленій. Они думаютъ, что именно въ томъ возрастѣ, когда, по собственному наблюденію Ярно, дѣти жадно справляются о причинахъ явленій, нужно идти навстрѣчу этой потребности, истолковывать имъ, а не называть, не опредѣлять только явленія окружающей ихъ дѣйствительности. Конечно, всѣ эти объясненія должны быть даны въ доступной ребенку формѣ, конечно, далеко не все можетъ быть разъяснено дитяти. Но все-таки доступное объясненіе не есть то поверхностное объясненіе, которое рекомендуется Ярно.

Если уже здѣсь замѣчаемъ мы преувеличеніе вѣрнаго основного положенія, то еще больше преувеличеній видимъ мы въ развитіи указаннаго выше принципа индивидуализаціи (принятіе во вниманіе индивидуальныхъ особенностей каждаго ребенка): въ 90-хъ годахъ, когда писались «Ученическіе годы», Гете былъ настроенъ еще очень индивидуалистически; немудрено, что проповѣдь индивидуализаціи переходитъ у него незамѣтно въ проповѣдь индивидуализма: онъ не только признаетъ необходимость считаться съ особенностями воспитываемаго, но также считаетъ нужнымъ предоставить его всѣмъ послѣдствіямъ логическаго развитія этихъ особенностей, съ тѣмъ, чтобы онъ самъ, путемъ личнаго опыта и горькихъ подчасъ ошибокъ, убѣдился въ непригодности тѣхъ или другихъ путей. Это было примѣненіе къ педагогической сферѣ стихійнаго, анархическаго принципа «laisser passer», отъ котораго въ тѣ времена ждали такихъ благихъ послѣдствій въ общественной жизни.

---

[1]) Тамъ же, стр. 212.

«Обязанность воспитателя—говорилъ аббатъ Вильгельму,—заключается не въ томъ, чтобы оберегать отъ ошибокъ, но чтобы умѣть руководить заблуждающагося и доставлять ему возможность полною чашею, до дна испить всѣ свои заблужденія,—вотъ въ чемъ вся мудрость наставника. Кто только отвѣдаетъ заблужденія, тотъ еще долго носится съ нимъ, почитая его иногда даже за рѣдкое счастіе; но кто исчерпаетъ его до дна, тотъ поневолѣ долженъ познать его, если только онъ не безумецъ» [1]).

Но и во времена наибольшаго увлеченія индивидуализмомъ у Гете замѣчаются колебанія относительно справедливости «принципа ошибокъ», пробивается мысль о необходимости предоставленія главной роли не стихіи, а сознательному вмѣшательству человѣка. Уже у самого аббата проскальзываютъ мнѣнія, стоящія въ противорѣчіи съ его основнымъ взглядомъ. Такъ, уже при первой встрѣчѣ съ Вильгельмомъ онъ замѣчаетъ:

«Судьба хоть и знатный, но зато очень дорогой учитель. Я бы всегда предпочелъ его наставленіямъ разумнаго учителя человѣка» [2]). Но старый индивидуалистъ все-таки еще долго и упорно держится «правила собственныхъ ошибокъ» и противъ него приходится бороться болѣе молодымъ членамъ сообщества. Наталія, завѣдывающая въ кружкѣ воспитаніемъ женской молодежи, такъ высказывается по поводу принципа «laisser passer» въ воспитаніи: «Этотъ способъ обращенія съ людьми совершенно противорѣчитъ моимъ воззрѣніямъ. Тотъ, кто не подаетъ помощи тотчасъ же, по-моему, тѣмъ самымъ какъ бы отказывается отъ всякаго намѣренія помочь; а кто не даетъ тотчасъ добраго совѣта—ужъ лучше вовсе не берись совѣтовать. Мнѣ кажется, что вообще необходимо бываетъ высказывать передъ людьми извѣстные законы и даже внушать ихъ дѣтямъ очень рано, дабы придать

---

[1]) „Ученическіе годы", стр. 314.
[2]) Тамъ же, стр. 78.

жизни извѣстную прочную основу. Я даже готова утверждать, что ужъ лучше пусть люди заблуждаются на основаніи извѣстныхъ правилъ, нежели блуждаютъ безъ цѣли, руководимые однимъ своимъ личнымъ произволомъ, и, насколько мнѣ пришлось узнать людей, мнѣ сдается, что въ природѣ ихъ постоянно остается извѣстный пробѣлъ, который можетъ быть пополненъ только непреложнымъ, положительно высказаннымъ закономъ» [1]).

И, несмотря на то, что образъ дѣйствія Наталіи, по замѣчанію Вильгельма, «совершенно отличается отъ способа дѣйствія ихъ общихъ друзей», послѣдніе не только не мѣшаютъ Наталіи идти собственнымъ путемъ, но даже оказываютъ ей посильную помощь. Очевидно, ихъ правовѣріе начинаетъ колебаться: взгляды Наталіи не чужды и мужскому элементу кружка. Ярно, наиболѣе разсудительный изъ членовъ его, замѣчаетъ о себѣ: «Я—плохой учитель (плохой съ точки зрѣнія указаннаго принципа): я просто видѣть не могу, какъ кто-нибудь дѣлаетъ неловкія попытки; заблудившемуся мнѣ тотчасъ хочется подать голосъ, хотя бы это былъ лунатикъ, который подвергается опасности, будучи внезапно выведенъ на надлежащую дорогу, сломить себѣ шею. Изъ-за этого съ аббатомъ у насъ постоянныя выходили ссоры, и тотъ утверждаетъ, что заблужденіе можетъ быть исправлено только при помощи блужданія» [2]). Постепенно на сторону еретиковъ переходитъ весь кружокъ, и во 2-мъ педагогическомъ романѣ («Странническіе годы») мы увидимъ построеніе всего воспитанія на основѣ, прямо противоположной принципу «laisser passer».

Но если грубые толчки жизни и могутъ оказать иногда отличное, хотя подчасъ и дорого стоющее воспитательное воздѣйствіе, то нельзя же, конечно, всѣ воспитательные факторы свести къ этимъ толчкамъ. Не сводить

---

[1]) Тамъ же, стр. 336.
[2]) Тамъ же, стр. 352.

къ нимъ всего, даже и въ первой половинѣ своей дѣятельности, и Гете. Всегдашній проповѣдникъ бодраго и энергичнаго труда, и въ романѣ «Ученическіе годы» онъ указываетъ на благотворное воспитательное вліяніе труда. Неустанный трудъ является, по его мнѣнію, не только превосходнымъ средствомъ для поддержанія душевнаго равновѣсія здоровыхъ людей, но можетъ даже мало-помалу возстановить и расшатанную нервную систему [1]). Гете всегда требовалъ побольше дѣла, осмысленнаго и продуманнаго дѣла, и поменьше словъ, сходясь въ этомъ отношеніи съ Ярно-Монтаномъ: «Думать и дѣлать, дѣлать и думать—вотъ тебѣ сумма всей мудрости,—говоритъ Ярно Вильгельму. И то, и другое должно, постоянно чередуясь, ни на минуту не прекращаться въ жизни, какъ вдыханіе и выдыханіе въ жизненномъ процессѣ. Подобно тому, какъ вопросъ предполагаетъ непремѣнно отвѣтъ, такъ и эти оба процесса нашей внутренней жизни никакъ нельзя себѣ представить одинъ безъ другого. Если ты ставишь себѣ въ законъ то, что геній человѣческаго разума тайно шепчетъ на ухо уже каждому новорожденному: «*провѣряй свои дѣйствія въ мысляхъ, а мысли—въ дѣйствіи*», то никогда и не ошибешься; а если и ошибешься, то скоро вновь попадешь на настоящую дорогу» [2]). Но проявленія дѣятельности должны быть осмыслены разумомъ, хотя большею частью, по печальному наблюденію аббата, энергическая воля и разумъ далеко не всегда идутъ у людей рука объ руку, и это вредно отражается на характерѣ ихъ дѣйствій: «очень мало встрѣчается между людьми такихъ, которые и надѣлены смысломъ и въ то же время способны дѣйствовать. Смыслъ расширяетъ, но ослабляетъ, дѣйствіе оживляетъ, но въ то же время и ограничиваетъ» [3]). Но если нельзя взять и того, и другого, а приходится

---

[1]) Тамъ же, стр. 217.
[2]) „Странническіе годы“, стр. 375.
[3]) „Ученическіе годы“, стр. 351.

ограничиться однимъ, то Гете предпочтетъ волю разсудительности. Онъ—врагъ безплодныхъ разсужденій. Особенно ненавистны его бодрой и жизнерадостной натурѣ разсужденія, переходящія въ резонерство, въ самогрызеніе, обезсиливающее человѣка, различные самоотчеты, въ результатѣ которыхъ появляется лишь выдача себѣ того или другого аттестата, а не стимулъ къ дѣйствованію. «Вслѣдствіе подобныхъ отчетовъ мы и становимся либо гордыми и лѣнивыми, либо предаемся малодушію и унынію, а какъ то, такъ и другое одинаково вредно по отношенію къ послѣдствіямъ» [1]).

Общеполезный трудъ является уже не индивидуалистическимъ, а общественнымъ факторомъ воспитанія. Такимъ же несомнѣнно общественнымъ факторомъ являются и добрыя человѣческія отношенія, о благодѣтельномъ воспитательномъ воздѣйствіи которыхъ говоритъ Гете уже въ «Ученическихъ годахъ»: «Между тѣмъ какъ мы привыкаемъ думать о преимуществахъ нашихъ ближнихъ, наши собственныя преимущества, незамѣтно для насъ самихъ, заступаютъ ихъ мѣсто, и мы охотно отказываемся отъ всякой ложной дѣятельности, къ которой можетъ насъ привлекать наше воображеніе. Старайтесь, насколько возможно, избавить умъ отъ всякой подозрительности и всякой боязливости» [2]).

Подобно тому, какъ Гете уже въ первомъ своемъ романѣ намѣтилъ нѣкоторые изъ важнѣйшихъ соціально-воспитательныхъ факторовъ, такъ тамъ же указалъ онъ и важнѣйшій принципъ соціальной педагогики, сводящійся къ тому, что главнымъ образомъ воспитываетъ не тотъ или другой человѣкъ, не тотъ или иной отдѣльный факторъ, а вся совокупность вліяній, черезъ которыя приходится пройти человѣку, вся окружающая его обстановка, его среда. «Все, что встрѣчается намъ на пути жи-

---

[1]) Тамъ же, стр. 266.
[2]) Тамъ же, стр. 354.

зни, оставляетъ на насъ слѣды, все незамѣтно способствуетъ нашему развитію» [1]), говоритъ аббатъ Вильгельму, лишь намѣчая этимъ, однако, ту мысль, которая во всей своей полнотѣ и глубинѣ могла быть развита Гете лишь во второмъ его педагогическомъ романѣ, когда онъ стоялъ уже на общественной точкѣ зрѣнія. «Лучше всего образовываетъ окружающая обстановка» [2]), говоритъ Ярно Вильгельму. Но, что еще важнѣе, это не остается вскользь брошеннымъ заявленіемъ. То сообщество, къ которому принадлежитъ Ярно, сумѣло во всей полнотѣ провести этотъ принципъ и въ жизнь. Компанія молодыхъ людей, занимавшаяся сперва въ «Ученическихъ годахъ» наблюденіемъ, для собственнаго развлеченія, чужихъ ошибокъ, еще въ томъ же романѣ, подъ вліяніемъ аббата, убѣдившаго ихъ, что нѣтъ никакого смысла наблюдать людей, въ развитіи которыхъ мы не принимаемъ никакого участія, переходитъ въ кружокъ саморазвитія. Въ романѣ же «Странническіе годы» она выливается въ обширное и организованное сообщество, часть котораго занимается устройствомъ болѣе нормальной, покоющейся на общественныхъ началахъ, жизни взрослыхъ людей, другая же завѣдываетъ «педагогической провинціей», въ которой благопріятная воспитательная среда цѣликомъ захватываетъ воспитываемаго, не оставляя мѣста ни для какихъ сторонніхъ вліяній, и въ этой средѣ стараются оставить подольше, до полной зрѣлости, вводя въ нее по возможности раньше, такъ какъ именно юношескія впечатлѣнія являются наиболѣе могущественными. «Вѣдь именно потому, что я въ дѣтствѣ своемъ,—разсказываетъ Вильгельму Ярно,—воспитывался у дяди, который меня

---

[1]) Тамъ же, стр. 266.

[2]) Въ переводѣ П. Полевого мѣсто это звучитъ не такъ опредѣленно. Вмѣсто энергической фразы: „Den besten Unterricht zieht man aus seiner Umgebung“, мы читаемъ: „Чѣмъ болѣе ты окруженъ предметомъ твоего изученія, тѣмъ легче тебѣ ему научиться“. „Странническіе годы“, стр. 215.

любилъ и занималъ весьма важное мѣсто по горному вѣдомству, именно потому, что я выросъ среди горнорабочихъ, и кораблики изъ коры съ ними бывало спускалъ на горныхъ оврагахъ, именно поэтому-то я и могъ вернуться вновь къ этому кругу, гдѣ теперь снова чувствую себя довольнымъ и по себѣ. Едва ли тебѣ этотъ угольный дымъ можетъ быть такъ же пріятенъ, какъ мнѣ: вѣдь я его съ дѣтства вдыхаю, какъ благоуханіе. Я многое въ жизни испробовалъ и всюду находилъ одно и то же. Человѣкъ чувствуетъ себя вполнѣ хорошо только на лонѣ привычки; даже и непріятное, если только мы къ нему привыкли, мы покидаемъ очень неохотно» [1]).

Въ эпизодѣ, посвященномъ «педагогической провинціи» Гете не далъ, да, вѣроятно, и не имѣлъ въ виду дать полнаго очерка педагогической системы. Его разсказъ о «провинціи»—грезы о будущемъ, утопія, какъ онъ самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ [2]),—утопія, въ которой различныя мелкія детали занимаютъ больше мѣста, чѣмъ выясненіе основныхъ принциповъ. Послѣдніе, правда, сквозятъ во всемъ, но при бѣгломъ чтеніи могутъ потеряться среди второстепенныхъ и парадоксальныхъ подчасъ подробностей. Немудренно поэтому, что эпизодъ, трактующій о «педагогической провинціи», вызывалъ самыя противорѣчивыя оцѣнки: если многіе считаютъ его однимъ изъ геніальнѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ произведеній міровой литературы, то не меньшее число, быть можетъ, отзывается о немъ, какъ о бредѣ выжившаго изъ ума старика. Можно долго и безплодно спорить, найдутъ ли мѣсто въ воспитательныхъ учрежденіяхъ будущаго указываемые въ гетевской утопіи отдѣльные мѣры и пріемы, будетъ ли тамъ примѣняться подобная же обрядность привѣтствій, будетъ ли совмѣщаться карьера конюха съ изученіемъ языкознанія, музыки и лирической поэзіи, или

---

[1]) Тамъ же, стр. 217.
[2]) Тамъ же, стр. 288.

окажется болѣе удобной какая-либо иная комбинація. Можно съ большимъ или меньшимъ остроуміемъ и успѣхомъ высмѣивать всѣ эти частности, какъ высмѣивались всегда частности всѣхъ утопій. Но развѣ дѣло въ частностяхъ, а не въ общемъ духѣ, которымъ проникнута вся утопія? А вотъ на этомъ-то духѣ лежитъ печать великаго генія, о немъ только и стоитъ говорить.

Важнѣйшимъ изъ принциповъ «педагогической провинціи» является устройство *возможно полной и охватывающей воспитательной среды*. Педагогическая провинція, куда отдаетъ на воспитаніе своего сына Феликса Вильгельмъ Мейстеръ, представляла собою цѣлую область, «плодоноснѣйшую страну, въ которой были и небольшіе холмы, удобные *для земледѣлія*, и высокія горы, удобныя для *овцеводства*, и обширныя равнины, привольныя пастбища для *скотоводства*» [1]). А на ряду съ областями, приспособленными для сельскихъ занятій, были и поселки для тѣхъ, кто получаетъ эстетическое, умственное и техническое образованіе: разбросанные въ лѣсной чащѣ домики для занимающихся инструментальной музыкой, правильные ряды изящныхъ построекъ—«обширный и хорошо отстроенный городъ» для занимающихся строительнымъ искусствомъ и родственными ремеслами. Въ самомъ разселеніи воспитанниковъ руководились соображеніями о вліяніи обстановки. «Странникъ нашъ, разсказываетъ о Вильгельмѣ Гете,—не могъ не замѣтить, что жилыя помѣщенія музыкантовъ въ предшествующемъ отдѣлѣ никакъ не могли сравняться по красотѣ и обширности своей съ тѣми, которыя онъ теперь видѣлъ передъ собою и въ которыхъ жили живописцы, скульпторы и архитекторы. Ему пояснили, что оно такъ именно и должно быть. Музыкантъ долженъ быть постоянно сосредоточенъ въ себѣ самомъ, вырабатывать свой внутренній міръ и выработанное въ немъ обращать къ міру внѣшнему. Нѣтъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 294.

никакой надобности въ томъ, чтобы окружающее его было особенно привлекательно и льстило его взорамъ: зрѣніе очень легко получаетъ перевѣсъ надъ слухомъ и отвлекаетъ вниманіе духа нашего отъ внутренняго міра къ внѣшнему. Напротивъ того, художникъ, занимающійся искусствами пластическими, долженъ весь жить въ мірѣ внѣшнемъ и какъ бы безсознательно проявлять свой духъ въ явленіяхъ чисто внѣшнихъ. Подобные художники должны жить какъ цари или боги: и если бы они не жили именно такъ, то какъ же могли бы они созидать и украшать дома царей и боговъ? Мало того: они настолько должны возвышаться надъ обыденнымъ уровнемъ, чтобы все окружающее ихъ населеніе могло чувствовать себя облагороженнымъ ихъ творческою дѣятельностью, насколько она проявляется въ ихъ произведеніяхъ» [1]).

Такая ли именно должна быть воспитательная обстановка, повторяемъ,—вопросъ, могущій подать поводъ ко многимъ спорамъ. Но важна самая идея о необходимости *опредѣленной* воспитательной обстановки, своею выдержанностью не могущей не оказывать извѣстнаго вліянія.

Воспитанники не только учились, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудились, производили все необходимое для жизни: въ *основу воспитанія* Гете клалъ *физическій трудъ*, трудъ, вполнѣ совмѣстимый, по его мнѣнію, съ задачами умственнаго развитія. «Житейскій трудъ и навыкъ въ немъ,—говоритъ онъ устами Ярно, гораздо болѣе совмѣстимы съ достаточнымъ образованіемъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ» [2]). Это тоже одинъ изъ основныхъ принци-

---

[1]) Тамъ же, стр. 365—366.

[2]) Въ русскомъ переводѣ П. Н. Полевого мѣсто это совершенно искажено. Тамъ указанная въ текстѣ цитата приняла такую странную форму: „А жизнь дѣятельная и способствующая примѣненію нашихъ способностей, при надлежащемъ упражненіи, оказывается гораздо менѣе тяжелой, нежели можетъ съ перваго взгляда показаться“. Оригинальная передача этой цитаты является, къ сожалѣнію, далеко не единственнымъ искаженіемъ гетевскаго текста. Такъ, напримѣръ

повъ «педагогической провинціи». Физическихъ упражненій, не создающихъ никакихъ полезностей, гимнастики— она не признавала, она заставляла своихъ воспитанниковъ нести полевыя работы, заниматься овцеводствомъ, коневодствомъ, строительствомъ, различными ремеслами. «Время близилось къ жатвѣ, и всего было въ волю (замѣтили пришедшіе въ провинцію Вильгельмъ съ сыномъ); но болѣе всего удивило ихъ то, что они видѣли всюду на работахъ не мужчинъ и женщинъ, а только мальчиковъ и юношей; всѣ готовились къ благопріятной жатвѣ и даже дѣлали кое-какія приготовленія къ веселому жатвенному празднику» [1]).

Но *трудъ* лишь тогда можетъ въ полной мѣрѣ оказать свое благотворное воспитательное воздѣйствіе, если онъ выполняется не въ одиночку, а *сообща всѣми*, если каждый трудящійся сознаетъ, что онъ полезный и необходимый членъ *трудовой артели*. Этотъ именно великій принципъ и находилъ полное примѣненіе въ педагогической провинціи: тамъ даже художественныя произведенія въ значительной мѣрѣ являлись продуктомъ *совмѣстной* творческой работы артели художниковъ, какъ видно изъ слѣдующаго эпизода: «Они (Вильгельмъ и его провожатые) вошли въ большую, весьма удачно сверху освѣщенную залу. Прежде всего увидали они въ той залѣ обширный кружокъ художниковъ, занятыхъ какою-то работою; въ срединѣ кружка очень умѣло была помѣщена колоссальная группа. Мужскія и женскія фигуры группы, поста-

---

на стр. 216 перевода Полевого („Странническіе годы“) мы читаемъ: „но покамѣстъ я говорю о важномъ и ничтожномъ, до которыхъ мы доходимъ при изученіи лишь гораздо позже, и т. д. Читатель, конечно, безуспѣшно искалъ бы у Гете подобнаго нелѣпаго сочетанія „важнаго и ничтожнаго“; если онъ откроетъ подлинникъ, то найдетъ тамъ: Idem ich aber vom Höchsten und Letzten spreche, wozu man sich erst spät durch vieles und reiches Gewahrwerden emporhebt“. „Тогда какъ я говорю о наиболѣе важномъ и конечномъ, чего достигаемъ мы и т. д.“.

[1]) „Стран. годы,“ стр. 294.

вленныя въ сильно напряженныхъ положеніяхъ, напоминали тотъ моментъ величественнаго боя между юношами-героями и амазонками, когда вражда и ненависть переходятъ въ желаніе оказать другъ другу помощь. Это замѣчательно сложное произведеніе искусства со всѣхъ сторонъ было видно всѣмъ одинаково хорошо. На большомъ пространствѣ вокругъ группы сидѣли и стояли художники; каждый изъ нихъ былъ занятъ по своему: живописецъ—у своего мольберта, чертежникъ—у своей чертежной доски (П. Н. Полевой пишетъ почему-то: «за своимъ портфелемъ»); одни лѣпили группу барельефомъ, другіе горельефомъ; и даже архитекторы заняты были составленіемъ набросковъ для пьедестала, на которомъ впослѣдствіи должно было стоять это художественное произведеніе. И каждый изъ принимавшихъ участіе въ этомъ копированіи дѣйствовалъ, при выполненіи копіи, сообразно со средствами своего искусства: чертежники и живописцы изображали группу на плоскости, стараясь однакоже при этомъ не исказить ея и насколько возможно сохранить ея характеръ. Точно такъ же относились къ своей задачѣ и тѣ, которые работали надъ барельефами. И только одинъ изо всѣхъ художниковъ скопировалъ всю группу въ меньшемъ масштабѣ и, повидимому, дѣйствительно превзошелъ образецъ... Оказалось, что это былъ творецъ модели, который, прежде чѣмъ выполнить ее изъ мрамора, выставилъ ее здѣсь не для сужденія, но для практическаго испытанія ея; и все, что каждый изъ его товарищей, съ своей точки зрѣнія, подмѣчалъ въ его произведеніи, что онъ удерживалъ или измѣнялъ,—все это онъ сумѣлъ использовать при вторичномъ обдумываніи своего созданія. Такимъ образомъ, когда, наконецъ, высокое произведеніе искусства будетъ выполнено изъ мрамора, оно, хотя задуманное и созданное однимъ человѣкомъ, все же явится *достояніемъ не его одного, а всѣхъ*» [1])

[1]) Тамъ же, стр. 367 и 368. Мы позволили измѣнить себѣ нѣкоторыя мѣста перевода, чтобы приблизить его къ подлиннику.

Ту же мысль выражала и пѣсня, которую хоромъ исполнили занятые работой художники:

Чтобъ творить, въ уединенье,
О художникъ, уходи!
Довершатъ свое твореньe
Въ кругъ другихъ людей иди!
Только тамъ найдешь познанье
Жизни собственной своей;
Многихъ лѣтъ воспоминанья
Оживутъ въ кругу друзей...
Формъ красою упивайся,
Созидай ихъ безъ конца,
Человѣкомъ восхищайся:
Онъ—подобіе Творца.
Долгъ велитъ соединиться
Всѣмъ, жрецы искусства, вамъ:
Дружно къ небу пусть курится
Вашъ *союзный* ѳиміамъ [1]).

Совмѣстный трудъ укрѣпляетъ товарищескую солидарность, заставляетъ больше цѣнить друга-сотрудника, развиваетъ *преданность*, *любовь и глубокое уваженіе къ товарищеской артели*, а ростъ и укрѣпленіе этихъ чувствъ въ свою очередь крѣпитъ цѣлое, даетъ ему все больше шансовъ на прочное и долгое существованіе. А такъ какъ сохраненіе этого цѣлаго—наиболѣе жизненный вопросъ для того, кто умѣетъ цѣнить выгоды совмѣстнаго существованія, то хотя и можно сомнѣваться въ цѣлесообразности внѣшнихъ пріемовъ, употреблявшихся въ «провинціи» для укрѣпленія почтенія и преданности къ товарищеской ассоціаціи, но едва ли съ такимъ же сомнѣніемъ можно отнестись къ тому, въ чемъ главы провинціи видѣли «увѣнчаніе зданія» своей воспитательной системы. Завершеніе ея они видѣли въ развитіи въ воспитанникахъ благоговѣйной преданности товарищеской средѣ. «Затѣмъ (въ довершеніе воспитанія), объясняли «Трое» Вильгельму, мы обращаемъ его вниманіе на среду

[1]) Тамъ же, стр. 369.

товарищей, въ которой онъ живетъ. И вотъ онъ уже стоитъ прямо и смѣло и не отдѣльно отъ прочихъ. *Только въ тѣсной связи съ себѣ подобными можетъ онъ выступить противъ свѣта.* Далѣе уже мы бы ничего не могли прибавить къ нашему воспитанію» [1]).

Воспитаніе физическое и воспитаніе товарищескихъ чувствъ не было единственными сторонами, на которыя обращалось вниманіе въ педагогической провинціи. Воспитанники, занимавшіеся тѣмъ или другимъ ручнымъ трудомъ, одновременно получали и умственное, и эстетическое, и религіозное воспитаніе. Такъ, сынъ Вильгельма, Феликсъ, помимо коневодства, занимался изученіемъ иностранныхъ языковъ, пѣніемъ, лирической поэзіей. Всѣмъ ли въ равной степени, трудно съ увѣренностью сказать, такъ какъ не видно, куда больше склоняются симпатіи Гете—въ сторону многосторонности или спеціализаціи въ образованіи.

«Многосторонность, — говорилъ Вильгельму Ярно-Монтанъ,—собственно говоря, приготовляетъ только тотъ элементъ, среди котораго и можетъ дѣйствовать односторонній. Теперь, именно, время односторонностей, и благо тому, кто это пойметъ, и для себя, и для другихъ. Въ нѣкоторыхъ вещахъ это понимается легко и сразу. Выучись хорошенько играть на скрипкѣ и будь увѣренъ, что капельмейстеръ тебѣ съ удовольствіемъ дастъ мѣсто въ своемъ оркестрѣ. А попробуй обратить себя въ цѣлый органъ, и посмотри потомъ, какое мѣсто удѣлитъ тебѣ человѣчество въ обыденной жизни».

— «Мнѣ все же хотѣлось бы,—сказалъ Вильгельмъ,—дать своему сыну болѣе широкое воззрѣніе на міръ, нежели то, которое можетъ ему дать ограниченное ремесло. Ограничивайте человѣка какъ угодно,—онъ все же станетъ вглядываться и вдумываться въ свою современность, а какъ можетъ онъ постигнуть ее, если хоть сколько-ни-

---

[1]) Тамъ же, стр. 299.

будь не знаетъ всего, что этому настоящему предшествовало?..» [1]).

Самъ Гете былъ настолько разносторонне образованъ, насколько только можетъ желать этого человѣкъ въ самыхъ дерзкихъ своихъ мечтахъ; его личные вкусы и выразились, повидимому, въ словахъ Вильгельма. Но для средняго человѣка онъ, вѣроятно, рекомендовалъ бы рецептъ Ярно: многосторонность, какъ общій фонъ, на которомъ должна непремѣнно выдѣлиться извѣстная спеціализація.

Главнѣйшимъ изъ эстетическихъ воспитательныхъ факторовъ въ провинціи признавалось пѣніе. «У насъ пѣніе,— разсказывалъ одинъ изъ воспитателей, — почитается первою ступенью развитія; все же остальное къ пѣнію примыкаетъ, а пѣніе всему остальному служитъ посредствующимъ звеномъ. Самое простое удовольствіе, точно такъ же, какъ и самое простое ученіе, у насъ оживляются и запечатлѣваются въ памяти пѣніемъ, и даже то, что мы передаемъ изъ области вѣрованій и нравственныхъ правилъ, сообщается путемъ пѣнія...» [2]). Пѣніе способствуетъ подъему духа, а поддержаніе *жизнерадостности* было одной изъ главнѣйшихъ задачъ провинціи.

При изученіи религіи) въ провинціи обращалось вниманіе не на догматическую сторону, а на духъ ея. Путемъ наглядnаго обученія, рядомъ прекрасно выполненныхъ стѣнныхъ картинъ старались сдѣлать внутреннюю сторону религіи доступной пониманію воспитываемыхъ. При этомъ высшая форма религіи,—разъясненіе существа

---

[1]) Тамъ же, стр. 216 и 217.

[2]) Тамъ же, стр. 296.

[3]) Нравственность Гете считалъ чѣмъ-то независимымъ отъ религіи. „Что касается нашего ученія о нравственности,—разъясняетъ Вильгельму Одоакръ, знакомя его съ общимъ планомъ будущаго поселенія въ Америкѣ,—то оно совершенно отдѣляется отъ всего религіознаго: оно чисто практическое и все выражается въ немногихъ заповѣдяхъ: умѣренность во всемъ, что зависитъ отъ нашей воли, и усердіе въ томъ, что повелѣваетъ намъ исполнять необходимость“ (тамъ же, стр. 453).

христіанской вѣры—сообщалась только наиболѣе зрѣлымъ изъ воспитанниковъ. «Той послѣдней формѣ религіи (сказалъ «Старшій» провинціи Вильгельму), которая происходитъ изъ почитанія всего, что ниже насъ,—обожанію всего бѣдствующаго, ненавидимаго, избѣгаемаго всѣми — научаемъ мы только уже вступающихъ отсюда въ міръ, дабы они знали, гдѣ искать этой религіи, если бы они въ сердце своемъ ощутили въ ней потребность» [1]). Въ провинціи поддерживается строгая дисциплина, но дисциплина, основанная не на страхѣ, а на глубокомъ уваженіи къ воспитателямъ, на любви къ товарищеской средѣ и чувствѣ чести. Съ этимъ сообразовались и наказанія, если оказывалось необходимымъ къ нимъ прибѣгать. «Высшее наказаніе, налагаемое нами на воспитанниковъ,—разъяснялъ надсмотрщикъ, — состоитъ въ томъ, что они объявляются недостойными оказывать кому бы то ни было почтеніе и бываютъ вынуждены выказывать себя грубыми и невоспитанными. Обыкновенно они дѣлаютъ все возможное, чтобы какъ-нибудь выйти изъ этого положенія, и стараются поскорѣе вернуться къ своимъ обязанностямъ. Если же одинъ изъ нихъ, заупрямившись, не пожелаетъ загладить своего проступка, тогда мы отсылаемъ его обратно къ родителямъ съ краткимъ, но отчетливымъ извѣщеніемъ о его способѣ дѣйствій. Кто не научается повиновенію законамъ, долженъ покинуть ту страну, въ которой они уважаются» [2]).

Въ «провинціи», гдѣ цѣликомъ подчиняли дѣтей и юношей вліянію воспитательной среды, конечно, уже не могло быть и рѣчи о методѣ личныхъ ошибокъ. Наоборотъ, здѣсь господствовалъ совершенно противоположный пріемъ воспитанія.

«Путникъ нашъ обратилъ особенное вниманіе на серьезность и строгость, которыя замѣчались въ обращеніи

---

[1]) Тамъ же, стр. 305.
[2]) Тамъ же, стр. 306.

надзиравшихъ какъ съ только что вступившими въ заведеніе, такъ и съ тѣми, которые уже давно въ немъ находились. Казалось, что ни одинъ изъ воспитанниковъ ничего не дѣлалъ по собственному желанію и произволу, но какъ будто какой-то тайный духъ всѣхъ ихъ проницалъ и оживлялъ, направляя къ единой великой цѣли... И когда нашъ странникъ просилъ своего провожатаго дать ему истолкованіе всей ихъ системы, тотъ отвѣчалъ, что творческая сила фантазіи представляетъ собою способность неопредѣленную, непостоянную, между тѣмъ какъ главное достоинство художника въ области пластическихъ искусствъ заключается именно въ томъ, что онъ постепенно научается болѣе и болѣе владѣть этою силою, ограничивать ее, сдерживать и, наконецъ, возвышается до воплощенія ея въ дѣйствительности. При этомъ разговоръ коснулся необходимости точныхъ основаній и въ другихъ искусствахъ. «Неужели музыкальный учитель могъ бы допустить, чтобы его ученикъ бралъ ту или другую ноту по собственному произволу или вставлялъ паузы, гдѣ поправится или вздумается? Изъ этого примѣра, кажется, очевидно можно придти къ тому выводу, что ничто не можетъ быть предоставлено произволу учащагося... Болѣе же всего даетъ намъ право на установленіе строгихъ требованій и положительныхъ законовъ именно то, что геній, что врожденный талантъ всего легче ихъ схватываетъ, всего охотнѣе подчиняется ихъ исполненію. Только люди бездарные могутъ желать, чтобы ихъ ограниченная способность была поставлена на мѣсто безусловнаго цѣлаго, чтобы щадились, подъ предлогомъ уваженія къ оригинальности и самостоятельности, ихъ фальшивыя ноты. Мы, конечно, не допускаемъ этого [1]) но оберегаемъ нашихъ воспитанниковъ отъ всѣхъ ложныхъ шаговъ, кото-

[1]) П. Н. Полевой переводитъ совершенно наоборотъ: на все это мы, конечно, не указываемъ нашимъ ученикамъ, а только оберегаемъ ихъ и т. д. (въ подлинникѣ: Das lassen wir aber nicht gelten, sondern hüten etc.).

рые портятъ подчасъ большую часть жизни, а то и всю жизнь» [1]).

Такова была «педагогическая провинція», имѣвшая своею цѣлью подготовленіе бодрыхъ, энергичныхъ, а главное артельныхъ работниковъ. И работники эти, какъ видно изъ примѣра группы, переселявшейся въ Америку, затѣмъ и въ жизни умѣли проводить артельныя начала. Идеалъ, который «провинція» стремилась воплотить въ своихъ воспитанникахъ, былъ тѣмъ же, какой рисовался умирающему Фаусту. Фаустъ рѣшился сказать свое «остановись, мгновенье, ты прекрасно» не тогда, когда переходилъ отъ наслажденія къ наслажденію, а лишь тогда, когда работая въ *сообществѣ* съ другими, могъ разсчитывать принести практическую пользу обществу, устраняя давящее его зло. Въ этотъ мигъ онъ испыталъ высшее счастіе, тогда-то онъ и провозгласилъ «послѣднее слово мудрости»:

Ja! diesem Sinne bin ich ganz ergeben,
Das ist der Weisheit letzter Schluss.
Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,
Der täglich sie erobern muss.
Und so verbringt, umrungen von Gefahr,
Hier Kindheit, Mann und Greis sein tüchtig Jahr.
Solch ein Gewimmel möcht' ich sehn,
Auf freiem Gründ mit freiem Volke stehn.

(Въ переводѣ Холодковскаго:

Да, мнѣ открыли долгой жизни годы
Законъ, который вѣчно не умретъ:
Лишь тотъ достоинъ жизни и свободы,
Кто ежедневно съ бою ихъ беретъ!
Всю жизнь въ борьбѣ суровой, непрерывной
Дитя и мужъ и старецъ пусть ведетъ,
И я увижу въ блескѣ силы дивной
Свободный край, свободный мой народъ) [2]).

Считая единственно пригоднымъ воспитательнымъ условіемъ среду, цѣликомъ захватывающую ребенка, Гете не

[1]) Тамъ же, стр. 364—365.
[2]) Собр. сочин. Гете, 2-е изд., т. VII, стр. 335—336.

придавалъ особеннаго значенія семейному воспитанію. Онъ считалъ его умѣстнымъ лишь на первыхъ ступеняхъ развитія общества, пока не создано лучшихъ воспитательныхъ органовъ. «Принимая во вниманіе—говоритъ Одоакръ,—что *мы еще* стоимъ *въ началѣ дѣла*, мы придаемъ большое значеніе семейному кругу. Отцамъ и матерямъ мы думаемъ поручить весьма важныя обязанности [1]). По существу же, къ родительскому вліянію, особенно вліянію отца, Гете относится довольно скептически.

«Мнѣ кажется,—говорилъ Вильгельмъ,—сынъ нигдѣ не развивается лучше, какъ на глазахъ отца.

«— Ничуть не бывало!—возразилъ Ленардо:—это одно изъ заблужденій, внушаемыхъ отеческою гордостью. Отецъ постоянно сохраняетъ нѣсколько деспотическія отношенія къ сыну: его добродѣтелей онъ не признаетъ, а порокамъ радуется. Вотъ почему уже древніе имѣли обыкновеніе говорить, что сыновья героевъ выходятъ негодяями; и я достаточно насмотрѣлся на свѣтъ, чтобы въ этомъ окончательно убѣдиться» [2]).

Въ лучшемъ случаѣ, ребенокъ воспитываетъ отца, но не наоборотъ, какъ передаетъ Гете въ остроумномъ и исполненномъ глубокихъ наблюденій очеркѣ «воспитанія» Вильгельмомъ сына.

«Стремленіе ребенка къ познаванію возрастало съ каждымъ днемъ. Узнавши о томъ, что вещи имѣютъ свои названія, онъ захотѣлъ узнать названія всѣхъ вещей; онъ воображалъ себѣ, что отецъ его долженъ былъ все знать, часто мучилъ его вопросами и тѣмъ самымъ давалъ ему поводъ справляться о такихъ предметахъ, которымъ онъ прежде посвящалъ очень мало вниманія. Къ тому же и врожденная всѣмъ дѣтямъ склонность справляться о происхожденіи, о началѣ и концѣ всего высказалась въ ребенкѣ очень рано. Когда онъ спросилъ, откуда происхо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 453.
[2]) Тамъ же, стр. 288.

дитъ вѣтеръ и куда дѣвается огонь, отцу впервые ясно опредѣлилась его собственная ограниченность свѣдѣній, ему захотѣлось узнать, какъ далеко можетъ проникать смѣлая мысль человѣка и какимъ путемъ достигается полная возможность отдавать другимъ и себѣ самому полный отчетъ въ своихъ знаніяхъ. Особенно радовала отца вспыльчивость ребенка, когда тотъ видѣлъ несправедливое отношеніе къ какому бы то ни было живому существу, какъ признакъ превосходнаго характера: ребенокъ сильно поколотилъ повариху, которая при немъ зарѣзала нѣсколько голубей. Но это прекрасное представленіе о будущемъ развитіи замѣчательнаго характера должно было вскорѣ разрушиться у Вильгельма, когда онъ нашелъ однажды Феликса, занятаго безжалостнымъ умерщвленіемъ лягушекъ и растерзываніемъ бабочекъ. Эта черта живо напоминала ему людей, которые являются чрезвычайно справедливыми, пока относятся къ дѣлу спокойно и наблюдаютъ за дѣйствіями своихъ ближнихъ.

«Пріятное сознаніе, что ребенокъ оказываетъ прекрасное и дѣйствительное вліяніе на все существованіе его, было на мгновеніе нарушено тѣмъ, чего Вильгельмъ не могъ не замѣтить вскорѣ: на повѣрку выходило, что *болѣе воспитываетъ его ребенокъ, чѣмъ онъ ребенка.* Онъ ничего не умѣлъ указать сыну, онъ не въ состояніи былъ придать его воспитанію такое направленіе, какого тотъ не принялъ самъ» [1]).

Впрочемъ, тотъ же принципъ «уча—учимся» вполнѣ примѣнимъ, по мнѣнію Гете, и къ профессіональнымъ учителямъ, а не только къ тѣмъ, кто сталъ учителемъ по слѣпой прихоти судьбы [2]). Но есть и спеціальныя требованія, которыя ставитъ Гете тѣмъ, кто хочетъ отдать себя воспитанію дѣтей. Во-первыхъ, такой человѣкъ долженъ вполнѣ владѣть предметомъ, которому собирается учить

[1]) „Ученическіе годы“, стр. 319—320.
[2]) „Странническіе годы“, стр. 453.

ребенка. «Нѣтъ ничего противнѣе учителя, который знаетъ не болѣе того, что необходимо знать каждому ученику. Кто хочетъ учить другихъ, тотъ, конечно, можетъ иногда умолчать о лучшей долѣ своего знанія, но ужъ никакъ не можетъ довольствоваться полузнаніемъ» [1]). Во-вторыхъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ онъ хоть немного долженъ приблизиться къ тому идеалу учителя, который представляетъ изъ себя «старшина» провинціи, при самомъ появленіи котораго «каждому сообщалась та предупредительная мягкость, которою онъ отличался и которая свидѣтельствовала о чистѣйшемъ душевномъ его настроеніи» [2]). Онъ долженъ быть далѣе тонкимъ и чуткимъ наблюдателемъ и умѣлымъ руководителемъ, чтобы опредѣлить всѣ особенности натуры ребенка и вести его, сообразно съ этими особенностями, къ общей для всѣхъ цѣли. Подобно «старшинѣ», онъ долженъ всегда имѣть въ виду цѣлое, не теряясь въ частностяхъ и не жертвуя изъ-за временнаго и случайнаго благомъ всего цѣлаго. Только человѣкъ высокихъ умственныхъ и нравственныхъ дарованій можетъ удовлетворить этимъ требованіямъ. Но, съ другой стороны, самая высота требованій, обращаемыхъ къ представителямъ педагогической профессіи, свидѣтельствуетъ о томъ глубокомъ уваженіи, съ какимъ относился къ ней Гете.

Вполнѣ понятенъ поэтому тотъ воодушевленный восторгъ, съ какимъ говоритъ Александръ *Юнгъ* о «Вильгельмѣ Мейстерѣ», какъ объ источникѣ вдохновенія для учителей, тѣмъ болѣе понятенъ, что романъ—произведеніе родного для Юнга великаго поэта:

«Идите сюда, учителя молодежи—отъ воспитательнаго дома и до академіи,—сюда идите, воспитатели всѣхъ ступеней и ранговъ, отряхните съ себя здѣсь школьную пыль, дайте свободно вздохнуть вашей сжавшейся груди,

---

[1]) Тамъ же, стр. 215.
[2]) Тамъ же, стр. 371.

освободитесь отъ унынія—вѣдь тяжело дышится и печально живется на вашемъ трудномъ посту, если извнѣ врывается мало свѣжаго воздуха! Здѣсь найдете вы признаніе вашихъ заслугъ передъ человѣчествомъ, здѣсь почерпнете вы силу для новой дѣятельности, здѣсь откроются передъ вами новые пути. Здѣсь пробудится у васъ юношеская жажда бытія, и вы узнаете,—если вы не знали этого до сихъ поръ,—что ваше служеніе—одно изъ святѣйшихъ служеній человѣчеству».